

НАЦИОНАЛЕН АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИНСТИТУТ С МУЗЕЙ НА БАН
ФИЛИАЛ ШУМЕН

РЕГИОНАЛЕН ИСТОРИЧЕСКИ МУЗЕЙ – ВАРНА

ПРОБЛЕМИ НА ПРАБЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЯ И КУЛТУРА

4-1

СБОРНИК В ПАМЕТ НА
СТ.Н.С. I СТ. Д. И. Н. ДИМИТЪР ИЛ. ДИМИТРОВ

ДОКЛАДИ ОТ ПЕТАТА МЕЖДУНАРОДНА СРЕЩА
ПО ПРАБЪЛГАРСКА ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ,
ВАРНА, 22–24.04.2004 г.

СОФИЯ, 2007

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА СУХАЯ ГОМОЛЬША

*(к проблеме этнической принадлежности салтовских
кремационных захоронений из бассейна Северского Донца)*

ВИКТОР С. АКСЕНОВ (ХАРЬКОВ, УКРАИНА)

Вопрос этнической принадлежности погребений по обряду трупосожжения второй половины VIII – первой половины X вв. из Подонечья, при наличии славянской, тюркской, угорской и иранской гипотез, все еще далек от своего окончательного решения. Однако, в силу ряда обстоятельств, наибольшее количество приверженцев имеет славянская точка зрения на этническую принадлежность носителей обряда трупосожжения в салтовской среде (Седов 2002, 266). Исследователь Сухогомольшанского могильника В. К. Михеев первоначально связывал население, оставившее могильник, с угорскими племенами (Михеев 1986, 166). Со временем он изменил свою точку зрения, видя в носителях данного обряда в салтовском обществе представителей позднepenьковского (славянского в своей основе) населения (Михеев 1991, 44). Это мнение первоначально разделял Г. Е. Афанасьев (Афанасьев 1987, 153). Позже он предложил искать носителей кремационного обряда салтовского времени Подонья в адыго-абхазской среде (Афанасьев 2001, 53).

Как нам представляется, решение столь сложного вопроса лежит через более внимательное рассмотрение самого погребального обряда захоронений могильника Сухая Гомольша. Это тем более необходимо, ибо небольшие журнальные публикации материалов Сухогомольшанского могильника (Михеев 1982, 156–167; 1986, 158–173) “лаконичны и информативного материала в них в целом не много” (Плетнева 1990, 83).

Для могильника Сухая Гомольша установлен единый обряд захоронения – трупосожжение на стороне. Антропологический анализ костного материала показал, что наибольшее воздействие огня испытывали кости черепа и позвоночника, при слабом сожжении частей верхних и особенно нижних конечностей (Malinowski, Michejew 1981, 154). После того, как погребальный костер прогорал, а вероятнее всего его заливали водой, о чем свидетельствуют раздробленные, с острыми краями, хрупкие, спекшиеся человеческие кости, остатки кремации помещались в заранее приготовленную ямку или сосудурну. Количество пережженных человеческих костей, найденных в захороне-

ниях могильника, указывает на не всегда тщательный сбор остатков скелета для помещения в могилы: в одних случаях они обильны или их достаточно много, в других – они единичны. Личные вещи, принадлежавшие покойнику (бусы, украшения из цветных металлов, элементы одежды), зачастую несут следы пребывания в огне погребального костра. Ярко выраженные следы пребывания в пламени погребального костра имеют предметы вооружения и снаряжения коня. Они после нагрева подвергались искусственной деформации (сгибались, ломались). Однако часть вещей следов воздействия огня не несет, и, видимо, может рассматриваться в качестве посмертного дара покойному.

По способу погребения останков сожжения все захоронения следует разделить на урновые и безурновые. Под безурновыми мы понимаем способ захоронения, когда пережженные костные останки помещены просто в земляную ямку, или же были заключены в какую-то емкость из естественных материалов, которая не сохранилась. В количественном отношении безурновые погребения несколько преобладают над урновыми: первых – 179, вторых – 138 (соответственно 56,4 % и 43,6%).

Безурновые захоронения (тип I) в зависимости от наличия в них следов погребального костра в виде пепла, древесных угольков, а также концентрации пережженных человеческих костей в площади могильной ямы, подразделяются на несколько видов.

I. 1. Безурновые, пережженные кости *очищены* от следов погребального костра и *компактно* расположены в пределах могильной ямы (рис. 1). На могильнике этот вид представлен 16 захоронениями (5,5% от общего числа захоронений могильника). Пережженные человеческие кости были помещены как в ямы, имеющие в плане круглую форму (8 захоронений), так и в ямы вытянутых очертаний – овальных (7 погребений) и прямоугольных (1 захоронение).

Диаметр круглых ям колеблется от 0,3 до 0,6 м. Глубина этих захоронений составляет 0,3–0,5 м от современной поверхности почвы. В засыпке трех захоронений, произведенных в круглых в плане ямах, встречены фрагменты салтовских сосудов (погр. 255, 269) и обломки железного котла (погр. 231), по всей видимости, связанные с проведением «тризны» (рис. 1/3). В одном случае (погр. 268) могильная яма захоронения имела специфическую особенность – ее дно было преднамеренно обмазано тонким слоем глины и обожжено (рис. 1/4). Половина захоронений (53, 119, 268, 269) содержала немногочисленный инвентарь. В одном случае (погр. 119) в захоронении находился сосуд-приставка, установленный вверх дном (рис. 1/2).

Средние размеры могильных ям вытянутых очертаний в захоронениях данного вида составляют 0,5–0,7 x 0,3–0,5 м, хотя пережженные человеческие

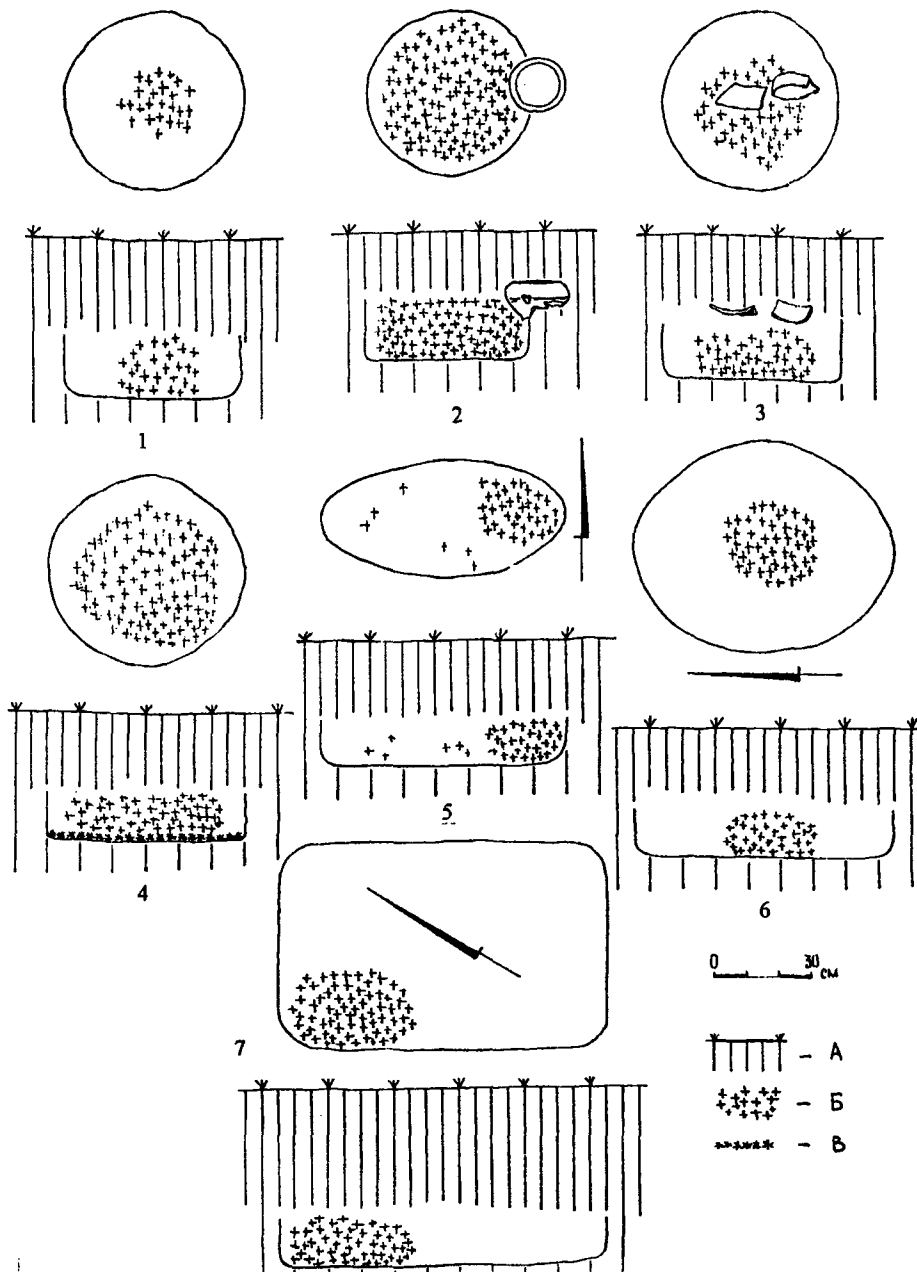

Рис. 1. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип I.1. 1 – погр. 255; 2 – погр. 119; 3 – погр. 231; 4 – погр. 268; 5 – погр. 216; 6 – погр. 251; 7 – погр. 253. А – чернозем; Б – пережженные человеческие кости; В – обожженный слой глины

останки были помещены как в ямы незначительных размеров – 0,25x0,15 м (погр. 275), так и в достаточно крупные ямы – 1,0x0,7 м (погр. 252). Преобладающей ориентировкой для захоронений в ямах вытянутых очертаний была широтная (по линии восток-запад) – 5 погребений (погр. 184, 216, 252, 275, 282) (рис. 1/5). Еще две ямы были ориентированы по линии северо-запад – юго-восток (погр. 250, 253). По-видимому, здесь имеет место сезонное отклонение, так как в погр. 253 кости черепа располагались в северо-западном конце могильной ямы (рис. 1/7). В западном конце зачастую находились кости черепа и в захоронениях с широтной ориентировкой могильных ям. Только одно захоронение (погр. 251) имело меридиональную ориентировку (рис. 1/6). В 4 из 8 захоронений в ямах вытянутых очертаний в их засыпке были встречены фрагменты салтовских сосудов (погр. 250, 251, 252, 282). Эти же захоронения содержали погребельный инвентарь со следами пребывания в огне. Из 4 захоронений с инвентарем три имели широтную ориентировку могильных ям, и среди них самое богатое по составу инвентаря (погр. 252).

1. 2. Безурновые, человеческие останки *очищены* от следов погребального костра и *рассеяны* по дну могильной ямы (рис. 2). Исследовано 36 захоронений (11,3%). Преобладают захоронения в ямах вытянутых очертаний.

Только в 4 случаях (погр. 172, 240, 245, 264) пережженные кости находились в ямах круглой в плане формы (рис. 2/1), и лишь одно из этих захоронений (погр. 245) было безынвентарным. В трех погребениях кальцинированные кости были помещены в ямы малого размера (диаметр – 0,35–0,45 м), и только яма погр. 172 имела значительный диаметр – 1,05 м.

25 захоронений было совершено в овальных в плане ямах (рис. 2/2, 4, 5) и 7 – в прямоугольных ямах (рис. 2/3, 6). Размеры могильных ям вытянутых в плане очертаний колеблются в очень значительных пределах, от очень маленьких – 0,19x0,15 м (погр. 305), до достаточно крупных – 1,9x1,1 м (погр. 233). Две трети захоронений были совершены в ямах, длина которых превышала 0,5 м, а в 6 случаях длина могильных ям была больше 1,0 м. Глубина могильных ям колеблется от 0,35 до 0,65 м от современной поверхности почвы. Могильные ямы вытянутых очертаний имеют как широтную (8 захоронений), так и меридиональную (12 захоронений) ориентировку (рис. 2/2–6). В 12 случаях могильные яма ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Для погребений, совершенных в ямах с меридиональной ориентировкой и ориентированных по линии северо-запад – юго-восток, характерно равное количество захоронений содержащих инвентарь и захоронений, в которых он отсутствовал. Напротив, почти в каждом погребении с широтной ориентировкой могильной ямы находился инвентарь, хотя и немногочисленный. В заполнении трех ям с широтной ориентировкой (погр. 242, 247, 248)

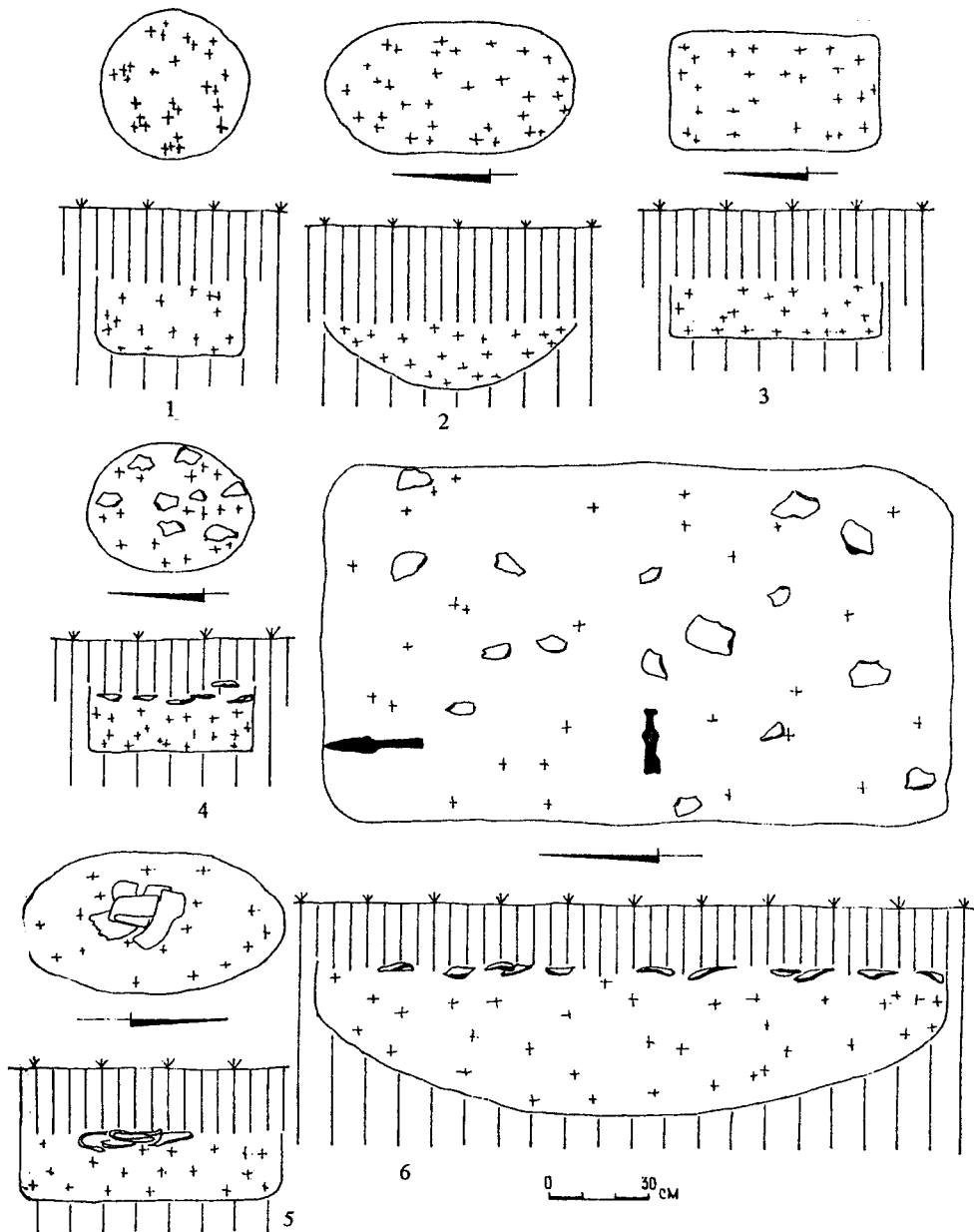

Рис. 2. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип I. 2. 1 – погр. 240; 2 – погр. 187; 3 – погр. 171; 4 – погр. 211; 5 – погр. 232; 6 – погр. 233

были обнаружены фрагменты салтовских сосудов (рис. 2/4, б), а в засыпке погр. 183 – фрагменты преднамеренно сломанного железного котла (рис. 2/5). Фрагменты салтовских сосудов были встречены в заполнении могильных ям ориентированных по линии северо-запад – юго-восток (погр. 209, 246, 312), в захоронениях с меридиональной ориентировкой ям (погр. 211, 232, 233, 267). Одно захоронение (погр. 214) сопровождалось так называемым «тайничком» (комплекс VI), помещенным в специальную ямку. Показательно, что для захоронений совершенных в ямах прямоугольной формы больше характерна меридиональная ориентировка. В их инвентаре чаще присутствуют предметы вооружения, элементы конского снаряжения, вещи хозяйственно-бытового назначения (погр. 183, 214/комплекс VI, 233).

I. 3. Безурновые, кальцинированные кости с остатками погребального костра (древесным углем, золой) компактно расположены в могильной яме (рис. 3). Данный вид представлен 38 захоронениями (11,9%). Для захоронений характерно помещение человеческих останков в могильные ямы круглой формы (32 из 38 погребений).

Диаметр круглых могильных ям колеблется от 0,2 до 0,5 м, а глубина составляет 0,2 – 0,5 м от современной поверхности почвы. Чуть более половины захоронений (17 погребений) были безынвентарными. Остальные захоронения содержали инвентарь, который только в 1/4 этих погребений прошел через огонь погребального костра. В остальных погребениях найденные вещи представляли посмертные дары покойнику. Фрагменты салтовских сосудов были встречены в засыпке всего двух (погр. 23, 219) захоронений (рис. 3/2, 3). В погребении 220 был обнаружен сосуд-приставка (рис. 3/6).

Только в шести случаях (погр. 18, 20, 99, 122, 144, 316) человеческие останки вместе с углем и золой погребального костра были помещены в могильные ямы овальной (5 захоронений) или прямоугольной (погр. 316) формы (рис. 3/7). Размеры могильных ям составляют 0,2 – 0,7 x 0,25 – 0,45 м, а глубина не превышает 0,5 м от современной поверхности почвы. Среди данных захоронений преобладают погребения с широтной ориентировкой могильных ям (погр. 20, 122, 144, 316). Погр. 18 и 99 были ориентированы по линии север – юг. Инвентарь присутствовал в обоих захоронениях с меридиональной ориентировкой могильных ям, и в одном погребении с широтной ориентировкой могильной ямы (погр. 122). Рядом с захоронением 122 был обнаружен поминальный комплекс IX.

I. 4. Безурновые, кальцинированные кости вместе с золой и углем погребального костра рассеяны по всей площади могильной ямы (рис. 4). Этот вид представлен 89 захоронениями (28,1%). Преобладают захоронения, совершенные в ямах и имеющие в плане овальную форму (70 погребений).

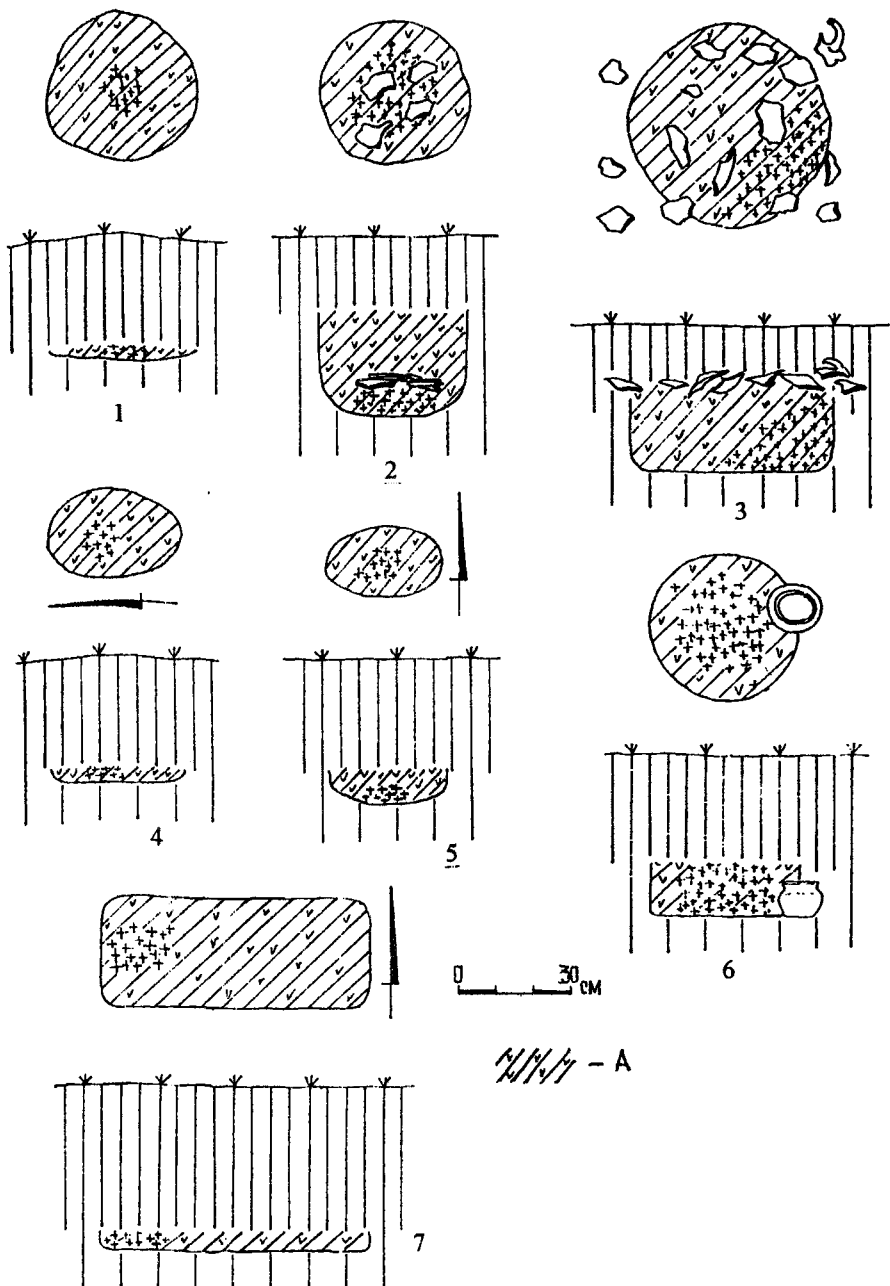

Рис. 3. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип I.3. 1 – погр. 10; 2 – погр. 1; 3 – погр. 219; 4 – погр. 18; 5 – погр. 20; 6 – погр. 220; 7 – погр. 316; А – остатки погребального костра в виде древесного угля и золы

В 19 случаях остатки кремации были помещены в могильные ямы круглой формы (рис. 4/3, 4). Ямы имеют диаметр от 0,2 до 0,8 м, и их глубина колеблется от 0,25 до 0,7 м от современной поверхности почвы. 10 из 19 захоронений в круглых ямах были безынварными. Весь инвентарь погр. 112 находился в рядом расположенном «тайничке» (комплекс VIII). Одно захоронение (погр. 263) сопровождалось сосудом-приставкой, покоившимся на боку (рис. 4/4).

В 54 захоронениях остатки кремации были помещены в ямы овальной в плане формы (рис. 4/1, 5, 8) и в 16 случаях – в ямы прямоугольной формы (рис. 4/2, 6, 7). Длина могильных ям вытянутых в плане очертаний колеблется от 0,35 до 1,3 м, ширина их составляет 0,17 – 0,75 м. Глубина могильных ям не превышает отметки 0,75 м от уровня современной поверхности почвы. Ориентировка могильных ям отличается разнообразием. Меридиальную ориентировку могильных ям имели 24 погребения (рис. 4/5), еще 30 ям ориентированы по линии восток – запад (рис. 4/1, 2, 6, 7). Могильные ямы остальных захоронений ориентированы с сезонными отклонениями: в 10 случаях ямы ориентированы по линии северо-запад – юго-восток, в 6 случаях – по линии юго-запад – северо-восток.

В 8 захоронениях (погр. 109, 117, 205, 259, 260, 302, 304, 311) стенки могильных ям были преднамеренно обмазаны тонким слоем глины и обожжены. Среди этих погребений преобладают погребения, совершенные в ямах овальной формы (5 из 8), и ориентированные в широтном направлении (4 из 8 – погр. 109, 259, 302, 304). Два погребения (205, 260) с обмазанными глиной стенками могильной ямы были ориентированы меридионально, еще два захоронения – по линии северо-запад – юго-восток (погр. 117), северо-восток – юго-запад (погр. 311). В 4 захоронениях с обмазанными стенками было обнаружено по два сосуда-приставки (погр. 117, 302, 304, 311), а в одном (погр. 259) – их было три. Для захоронений, помещенных в простые грунтовые ямы, характерно наличие, зачастую, одного сосуда-приставки (8 погребений), и только в погр. 111 было зафиксировано 2 сосуда-приставки. В большинстве случаев сосуды приставки стояли устьем вверх, и лишь иногда покоились на боку. Показательно, что два и более сосуда-приставки зачастую встречены в погребениях с широтной ориентировкой могильных ям, тогда как в ямах с меридиональной ориентировкой всегда находилось только по одному сосуду-приставке.

49 из 70 захоронений, произведенных в могильных ямах имеющих в плане вытянутые очертания, содержали погребальный инвентарь. Пять погребений сопровождалось «тайничками», содержащими элементы конского снаряжения и предметы вооружения. Четыре этих захоронения были произведены в ямах ориентированных широтно (погр. 17, 46, 63, 230), а одно (погр. 218) совершено в яме, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Погребения,

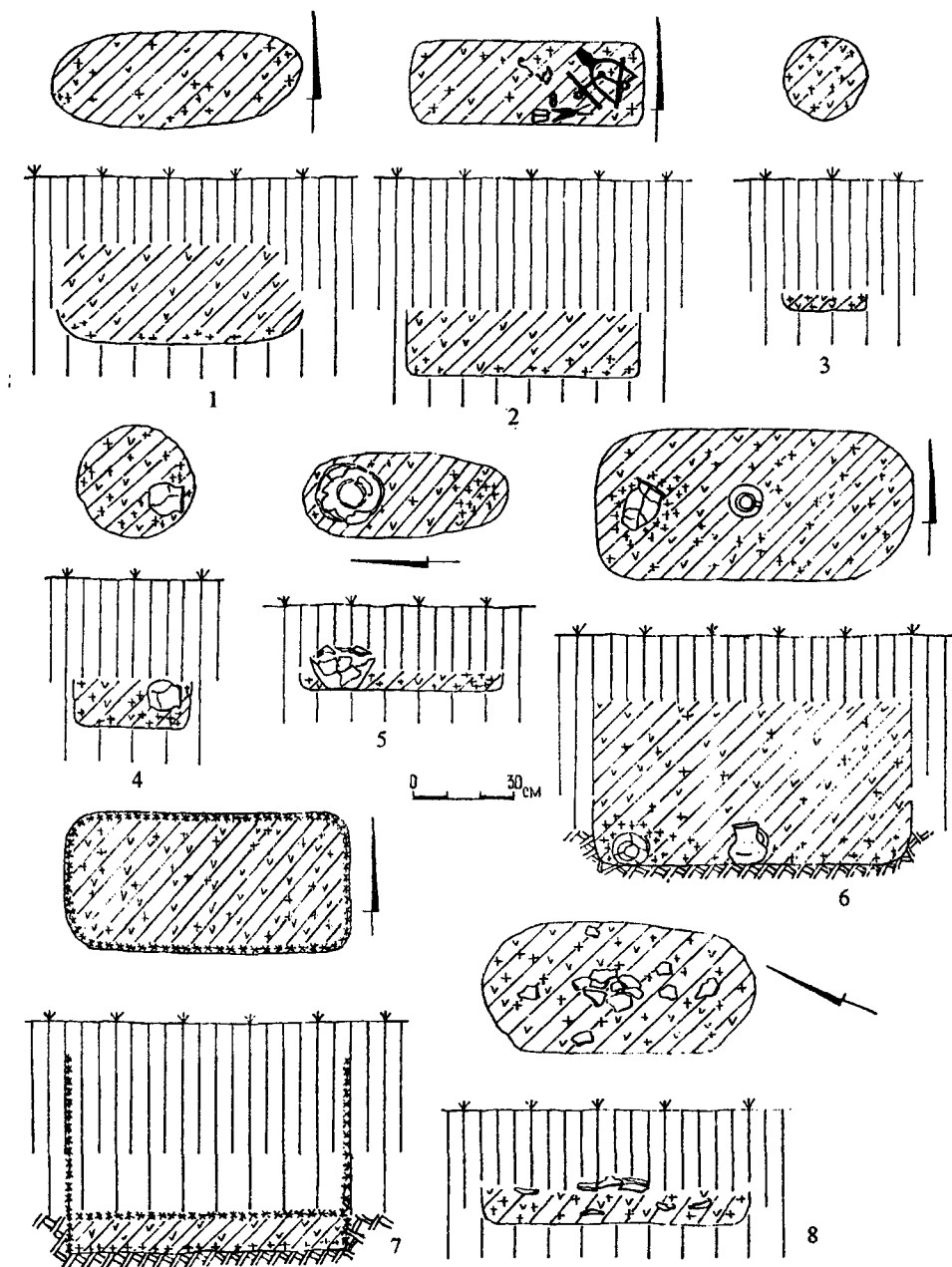

Рис. 4. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип I.4. 1 – погр. 7; 2 – погр. 17; 3 – погр. 123; 4 – погр. 263; 5 – погр. 95; 6 – погр. 111; 7 – погр. 109; 8 – погр. 218

сопровождаящиеся «тайничками», были совершены как в овальных (63, 218, 230), так и прямоугольных (17, 46) ямах.

Урновые (тип II) захоронения могильника в зависимости от очищенности пережеженных человеческих костей от остатков погребального костра, положения погребальной урны, наличия крышки и подстилки разделены на несколько видов. К урновым нами отнесены и те погребения, в которых сосуды выполняли не роль вместилища пережеженных человеческих останков, а служили своеобразными крышками, прикрывая сверху кучку кальцинированных костей.

II. 1. *Очищенные* от следов погребального костра человеческие останки находились в урне, установленной *вверх дном* (рис. 5/1–4). Исследовано 22 захоронения (6,9%).

Урны установлены на глубине 0,3 – 0,7 м от уровня современной поверхности. В 7 случаях удалось проследить контуры могильных ям. Могильные ямы в плане имели круглую (погр. 24, 35, 51, 52, 58) или овальную (погр. 28, 49) форму. Диаметр круглых ям составляет 0,35 – 0,5 м. Овальные ямы достигали в длину 0,6 и 0,7 м при ширине 0,45 м и были ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. Лишь одна урна (погр. 28) сопровождалась сосудом-приставкой, установленным *вверх дном* (рис. 5/4). Рядом с тремя урнами (погр. 223, 227, 228) располагались поминальные комплексы XIII, III, XII, содержавшие предметы вооружения и конского снаряжения. Урна в погребении 51 дополнительно сверху была накрыта еще одним сосудом большего размера (рис. 5/3). В трех погребениях среди остатков кремации были отмечены мелкие фрагменты других салтовских сосудов (погр. 210, 227), необожженные кости (ребра) животного (погр. 308). Количество безынвентарных погребений и захоронений содержавших личные вещи умерших одинаково, по 11 погребений.

II. 2. *Очищенные* от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую *вверх дном* на *подстилке* (рис. 5/5–7). Вид представлен 8 захоронениями (2,5%).

Глубина захоронений составляет 0,35 – 0,7 м. Половина урн была установлена на придонные части других сосудов (рис. 5/5, 6), вторая половина – на крупные фрагменты стенок (рис. 5/7). Из 8 захоронений этого вида в 6 был встречен немногочисленный инвентарь. В погребении 296 инвентарь находился и внутри урны, и рядом с ней. В одном случае (погр. 286) весь инвентарь был помещен в расположенный в непосредственной близости (комплекс XVI) «тайничок» (рис. 5/7).

II. 3. Человеческие останки вместе с *остатками* погребального костра находились в урне, установленной *вверх дном* (рис. 6/1–3). Исследовано 44 захоронения (13,9%).

Глубина захоронений – 0,3–0,7 м от уровня современной поверхности почвы. В двух случаях были прослежены контуры могильных ям. В погребении

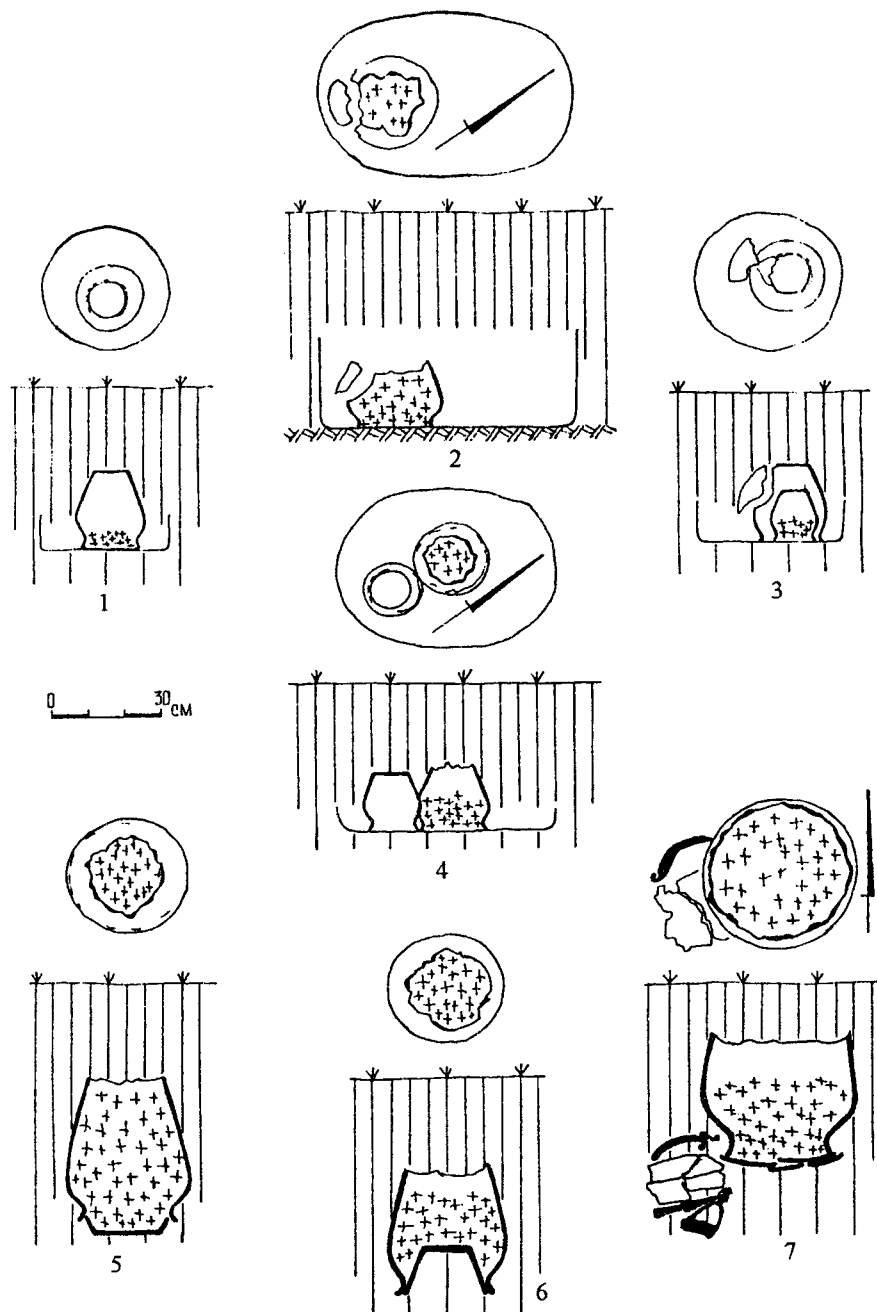

Рис. 5. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип II.1, II.2. 1 – погр. 52; 2 – погр. 49; 3 – погр. 51; 4 – погр. 28; 5 – погр. 175; 6 – погр. 185; 7 – погр. 286

39 урна находилась в круглой яме диаметром 0,45 м (рис. 6/1). В захоронении 265 урна была помещена в овальную яму размером 0,8 x 0,5 м ориентированную по линии север – юг. Эта яма имела конструктивные особенности. Так, в южном краю ямы располагалась ступенька, на которой и была установлена сама урна. Стенки и дно могильной ямы были обмазаны тонким слоем глины и обожжены. В северном краю ямы находился сосуд-приставка, установленный также как и урна – вверх дном (рис. 6/2). Урны захоронений 61, 82, 261 также сопровождалась сосудами-приставками в развалах (рис. 6/3). В погребениях 64, 155 были встречены фрагменты салтовских сосудов. 19 захоронений этого вида не содержали кроме сосудов никакого другого инвентаря. В остальных погребениях инвентарь был представлен личными вещами умерших.

II. 4. Пережеженные человеческие кости вместе с золой и углем погребального костра находились в урне, установленной *вверх дном* на *подстилке* (рис. 6/4–6). Вид представлен 8 погребениями (2,5%).

Глубина установки сосудов колеблется от 0,4 до 0,97 м от уровня современной поверхности почвы. В погребении 207 в качестве подстилки была использована придонная часть другого сосуда (рис. 6/6), в остальных случаях – крупные фрагменты сосудов (рис. 6/4, 5). Погребения 169, 206, помимо кальцинированных человеческих костей, золы и угля, содержали мелкие фрагменты салтовских сосудов. Только два захоронения из восьми были безынвентарны (погр. 206, 301).

II. 5. *Очищенные* от следов погребального костра пережеженные человеческие кости помещены в урну, стоящую *устьем вверх* (рис. 7/1–4). Данный вид представлен 14 погребениями (4,4%).

К этому виду нами отнесено и два захоронения в амфорах с преднамеренно отбитыми в древности горлом и ручками (погр. 55, 182), ибо данные сосуды затруднительно установить в вертикальном положении (рис. 7/2, 4), и еще одно погребение (276), содержавшее покоившийся на боку салтовский горшок. В последнем случае урна, по-видимому, упала на бок при засыпке могильной ямы.

Глубина помещения урн составляла 0,3–0,65 м от уровня современной поверхности почвы. В двух случаях (погр. 37, 55) были прослежены контуры могильных ям, в которые были помещены урны. В обоих случаях урны находились в ямах овальной формы, ориентированных по линии северо-восток – юго-запад (рис. 7/2), размером 0,4 x 0,3 м и 0,5 x 0,35 м соответственно. Семь из 14 захоронений данного вида были безынвентарными. В 3 (погр. 202, 208, 249) из 7 захоронений с инвентарем среди остатков кремации были обнаружены отдельных фрагменты салтовских сосудов.

II. 6. *Очищенные* от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, установленную *устьем вверх* и накрытую *крышкой* (рис. 7/5–7). Вид представлен 6 захоронениями (1,9%).

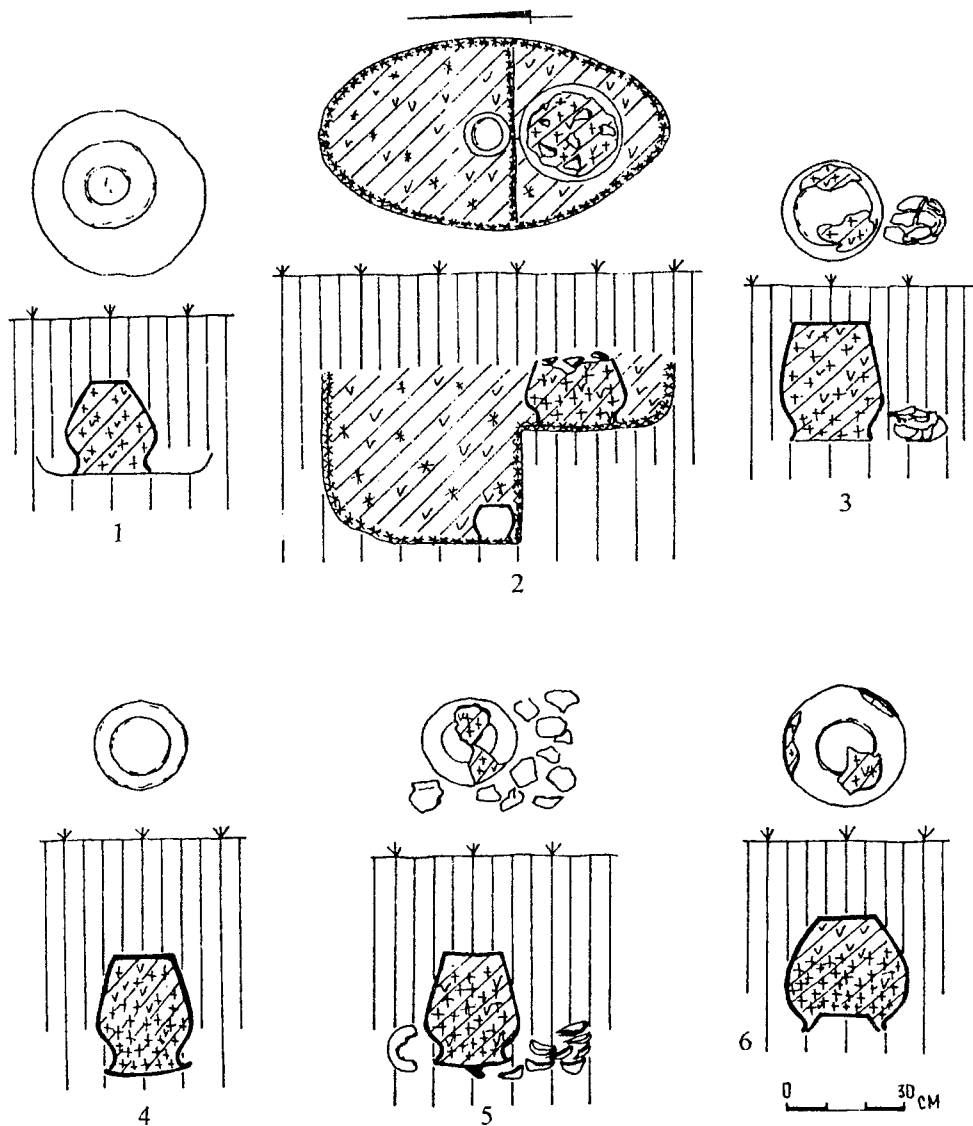

Рис. 6. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип П.3, П.4. 1 – погр. 39; 2 – погр. 265; 3 – погр. 261; 4 – погр. 128; 5 – погр. 206; 6 – погр. 207

В половине захоронений крышками служили крупные фрагменты стенок (рис. 7/5), в остальных – придонные части салтовских сосудов (в погр. 235 – придонная часть крымской амфоры) (рис. 7/6, 7). Четыре захоронения содержали инвентарь, помещенный в урны вместе с остатками кремации. В качестве крышек для урн, содержавших инвентарь, предпочтение отдавалось придонным частям сосудов (3 из 4 захоронений). Интерес представляет погр. 235, где в урне полностью отсутствовали пережженные человеческие кости, а инвентарь был представлен вещами, носившими следы пребывания в огне.

II. 7. Пережженные человеческие кости *вместе с углем и золой* погребального костра помещены в урну, установленную *устьем вверх* (рис. 8/1–4). Обнаружено 29 погребений этого вида (9,1%).

Глубина установки урн колеблется от 0,2 до 0,55 м от уровня современной поверхности почвы. Только в одном случае (погр. 67) были прослежены контуры могильной ямы, которая имела в плане подпрямоугольную форму, и была ориентирована по линии север – юг (рис. 8/4). Ее размеры 0,9 x 0,5 м. Урна с прахом располагалась в южном краю могильной ямы и покоилась на боку. Вероятно, она упала на бок при засыпке могильной ямы землей. Количество безынвентарных захоронений и погребений, содержавших инвентарь, почти одинаково – 15 и 14, соответственно. Сосуды-приставки были обнаружены в трех безынвентарных (погр. 67, 138, 140) и трех погребениях с инвентарем (погр. 103, 139, 288). В захоронениях находилось чаще всего по одному сосуду-приставке (рис. 8/2, 4). Исключением является погребение 140, где было обнаружено два сосуда-приставки. Из-за незначительной глубины залегания захоронений в трех случаях сосуда-приставки были представлены развалами горшков, в одном случае (погр. 67) – сосуд-приставка покоился на боку. В двух погребениях (103, 140) сосуда-приставки стояли устьем вверх. Интерес представляет погребение 108, в котором остатки кремации находились в сосуде, от которого в древности была отбита нижняя часть (рис. 8/3). Таким образом, человеческие останки, с одной стороны, как бы были только прикрыты верхней частью сосуда, а с другой – таким способом имитировалось захоронение в целом сосуде.

II. 8. *Неочищенные* от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую *устьем вверх* и накрытую *крышкой* (рис. 8/5–8). *Захоронений* этого вида обнаружено 7 (2,2%).

Глубина захоронений составляет 0,29 – 0,55 м от уровня современной поверхности почвы. В погребении 29 были прослежены контуры могильной ямы. Урна была помещена в яму круглой формы диаметром 0,35 м (рис. 8/6). В 4 из 7 захоронений крышкой служили придонные части салтовских сосудов, установленные дном вверх (рис. 8/6, 8). В остальных погребениях (70, 126, 291)

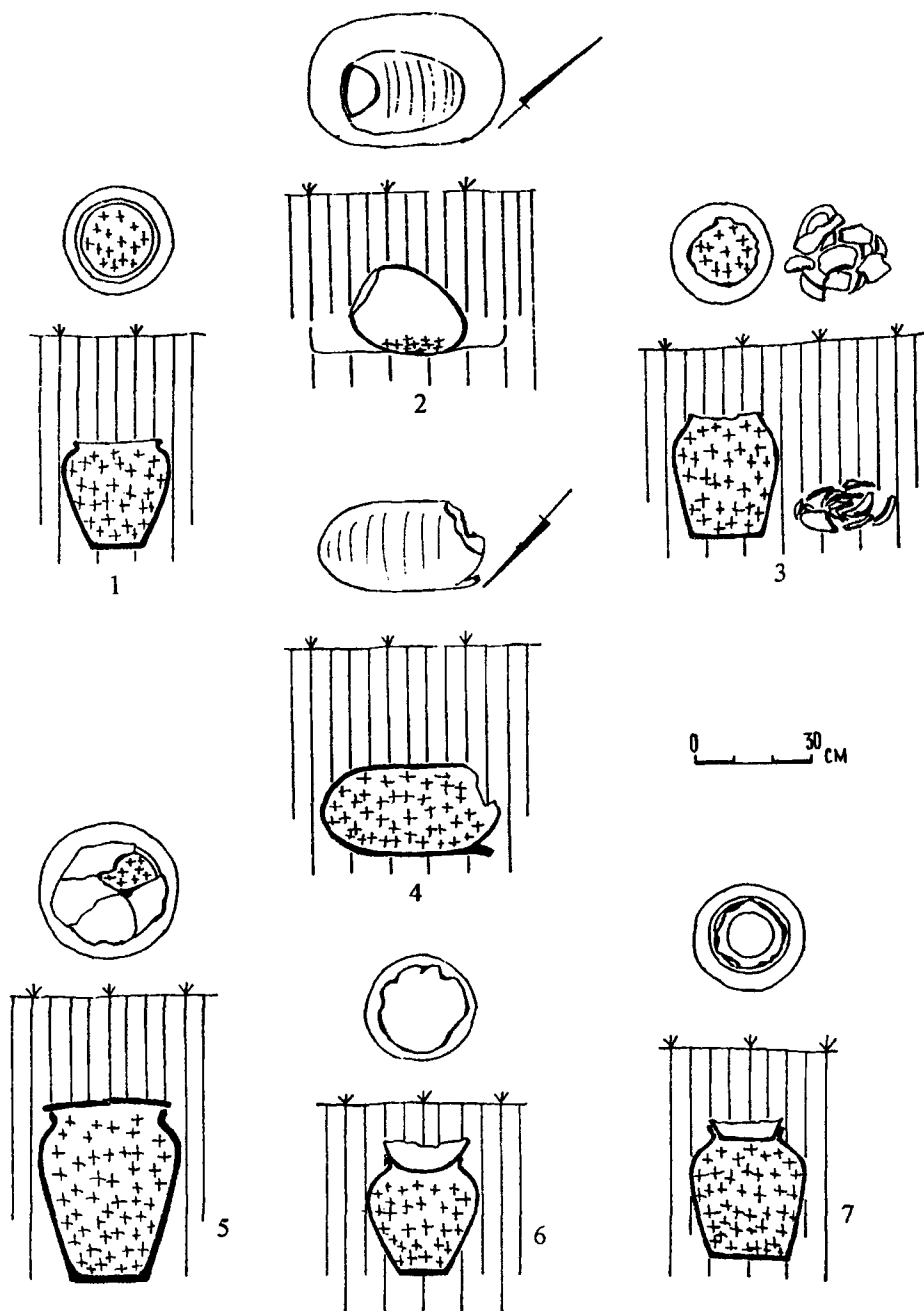

Рис. 7. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип II.5, II.6. 1 – погр. 193; 2 – погр. 55; 3 – погр. 208; 4 – погр. 182; 5 – погр. 238; 6 – погр. 235; 7 – погр. 186

в качестве крышек были использованы крупные фрагменты стенок сосудов. Именно эти погребения и были безынвентарными. Две урны (погр. 70, 289) сопровождалась сосудами-приставками. В погребении 70 сосуд-приставка находился в разрушенном состоянии, в погребении 289 один сосуд-приставка был установлен устьем вверх, второй – завалился на бок (рис. 8/8). Инвентарь погребений представлен в основном личными вещами умерших, находившимися внутри урн, среди остатков кремации.

Таким образом, для могильника Сухая Гомольша характерно наличие нескольких видов кремационных погребений (табл. I). Они отражают разные погребальные традиции. Присутствие относительно богатых и полностью безынвентарных захоронений во всех выделенных нами видах кремации указывает на относительную имущественную однородность населения, оставившего разные виды кремаций данного могильника. Разнообразие погребальных традиций, по всей видимости, следует рассматривать как отражение сложной этнокультурной структуры самой сухогомольшанской общины. Подобное многообразие отмечено в кремациях черняховской культуры (Кравченко 1983, 51), полиэтничность которой, в настоящее время, ни у кого не вызывает сомнения. По пестроты этнического состава черняховская и салтово-маяцкая культуры выступают явлениями близкого порядка. Более однородными на их фоне выглядят сожжения славян юга Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. – пражской, корчакской, колочинской, пеньковской, волынцевской культур (Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юренко 1990, 276–278). Тоже можно сказать и в отношении славянских кремационных захоронений VIII–IX вв. с территории Подунавья (Въжарова 1976, 9–82; Димитров 1974, 55–66).

Таблица I

Соотношение видов кремаций по могильнику Сухая Гомольша

безурновые				урновые							
I.1	I.2	I.3	I.4	II.1	II.2	II.3	II.4	II.5	II.6	II.7	II.8
16	36	38	89	14	6	29	7	22	8	44	8
5%	11,3%	11,9%	28,1%	6,9%	2,5 %	13,9%	2,5%	4,4%	1,9%	9,1%	2,2%

Сравнение погребений могильника Сухая Гомольша с захоронениями ряда археологических культур середины – второй половины I тысячелетия н.э. (табл. II), связываемых со славянским населением юга Восточной Европы, показывает, что при общей схожести, между ними имеется и ряд существенных различий.

Это касается в первую очередь топографии расположения могильников. Так, для могильников пеньковской, волынцевской культур характерно «низкое» расположение. Зачастую они занимают возвышения в пойме, располага-

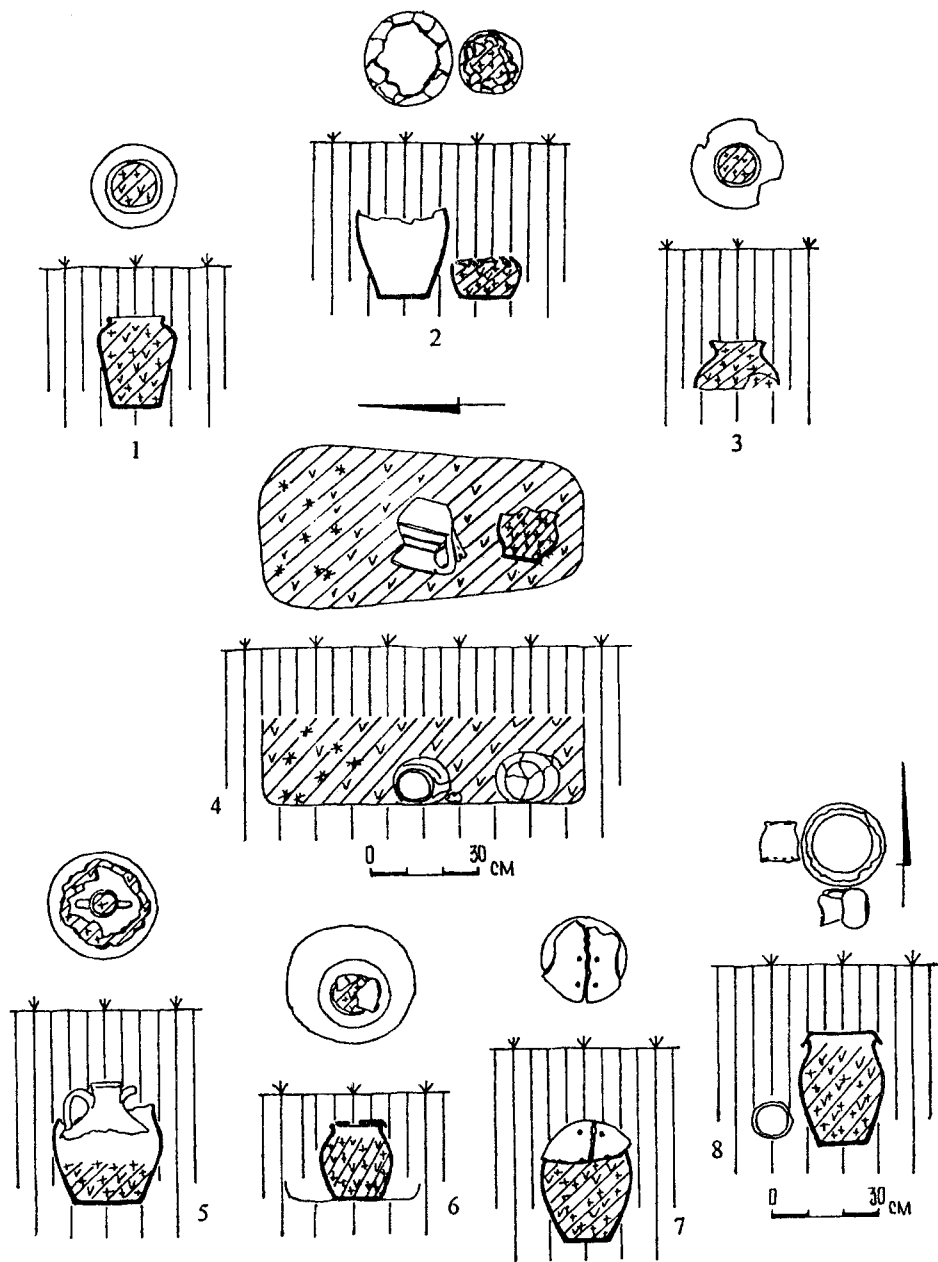

Рис. 8. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип П.7, П.8. 1 – погр. 98; 2 – погр. 103; 3 – погр. 108; 4 – погр. 67; 5 – погр. 70; 6 – погр. 29; 7 – погр. 89; 8 – погр. 289

ются на низких надпойменных террасах (Синица 2003, 167; Березовец 1952, 244). Грунтовые могильники колочинской культуры в большинстве случаев находятся на плато коренного берега (Синица 2003, 167). Большинство кремационных могильников Болгарии VIII–X вв. также характеризуются «высоким» расположением на местности (Въжарова 1976, 9, 11). В близких топографических условиях расположен и могильник Сухая Гомольша. Он занимает место по покатому краю глубокой балки, прорезающей высокий коренной правый берег р. Гомольша, в месте ее впадения в р. Северский Донец.

Для славянских кремаций больше характерны неглубокие погребальные ямы круглой формы диаметром 0,3–0,4 м (Приходнюк 1998, 28), тогда как на Сухогомольшанском могильнике преобладают захоронения в ямах вытянутых очертаний. Для немногочисленных безурновых захоронений VIII–X вв. некрополей Болгарии характерно также помещение остатков кремации в ямы круглой формы незначительных размеров от 8 до 30 см, и лишь иногда овальной (Въжарова 1976, 26, 31, 32, 36, 60). Средние размеры могильных ям захоронений Сухогомольшанского могильника превышают аналогичные показатели ям славянских кремаций Подунавья, так же как и колочинских, и пеньковских, и волынцевских захоронений.

В ориентировке могильных ям захоронений могильника Сухая Гомольша прослеживается две тенденции: меридиональная и широтная. В тех случаях, когда пережеванные человеческие кости были сложены в кучку или сохранились достаточно крупные фрагменты костей черепа, то они концентрировались в западном или южном краю ям, в зависимости от того, какую ориентировку, широтную или меридиональную, имели могильные ямы. В небольшом количестве захоронения как с широтной, так и с меридиональной ориентировкой могильных ям, и с аналогичным сухогомольшанским размещением человеческих останков, встречены на могильниках колочинской культуры (Поболь 1974, 168, 174; Падин 1974, 134; Липкинг 1974, 148, 149, 150; Третьяков 1974, 71, 72). Для захоронения волынцевской культуры больше характерны могильные ямы с расположением урн по линии восток – запад, меридиональная ориентировка ям здесь не была зафиксирована ни разу (Смиленко, Юренко 1990, 276). Ориентировка могильных ям по линии север – юг характерна и для многочисленных безурновых захоронений однобрядовых могильников VIII–X вв. Болгарии (Въжарова 1976, 426; Димитров 1974, 66). В тоже время, могильные ямы вытянутых очертаний (прямоугольные и овальные) преобладают на могильниках именковской культуры – Рождественский II (Генинг, Стоянов и др. 1962, 38, табл. В). Наиболее характерной для именковских кремаций ориентировкой могильных ям является меридиональная (44%), иногда с отклонениями, хотя известна и ориентировка могильных ям по линии восток – запад – 13%

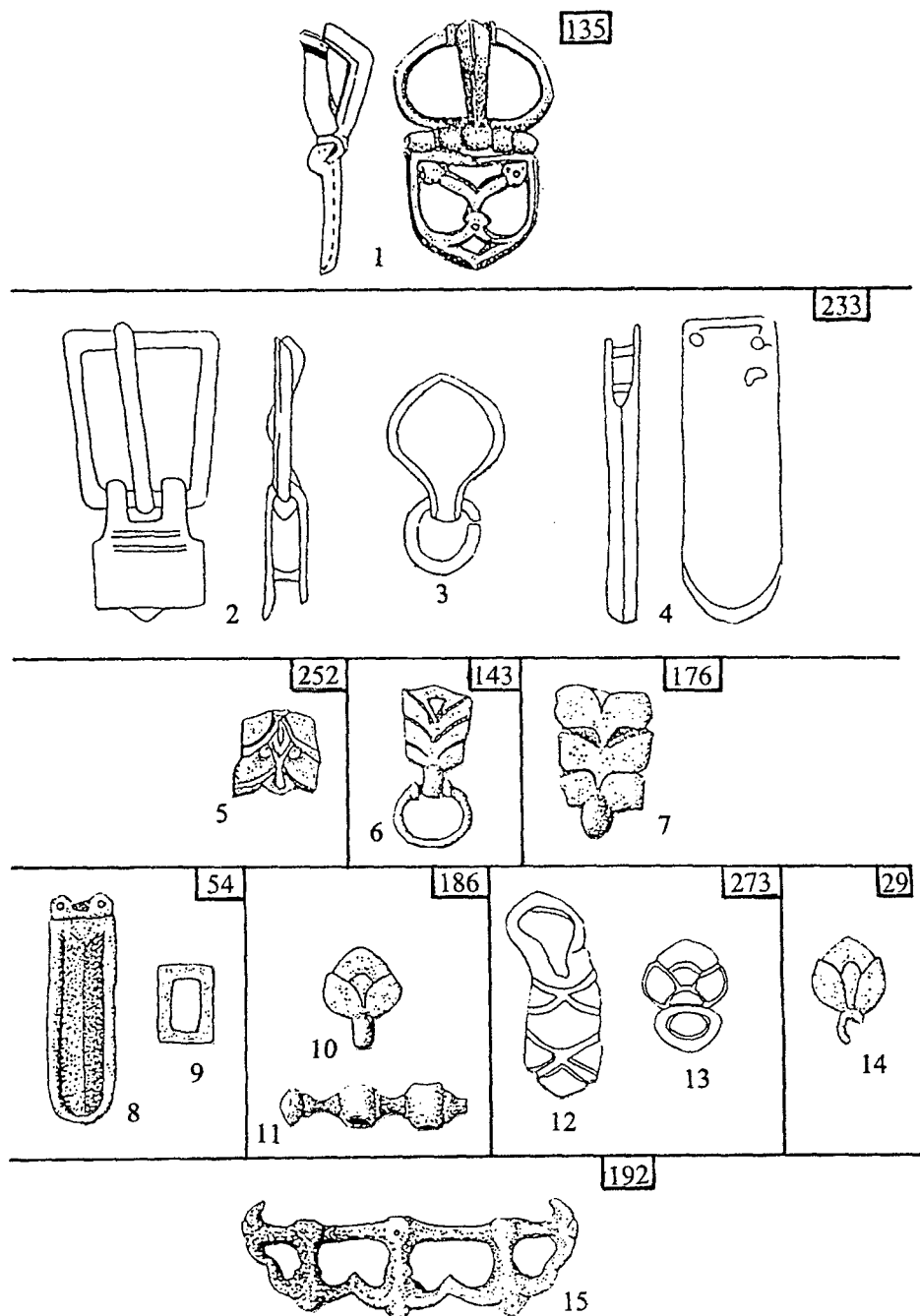

Рис. 9. Элементы поясной гарнитуры из сожжений могильника Сухая Гомольша

(Генинг, Стоянов и др. 1962, 38, табл. Д). Так, на Коминтерновском II некрополе большинство могил было ориентировано по линии север – юг, и только три погребения были вытянуты по линии восток – запад (Казаков 1998, 99). Однако какой-либо устойчивой традиции в размещении пережженные человеческие кости в именьковских погребениях не наблюдается. Кальцинированные кости могли размещаться кучкой у любой из стенок могильной ямы – северной, южной, восточной, западной (Генинг, Стоянов и др. 1962, 38, табл. Е).

Неизвестной чертой погребального обряда для славянских погребений второй – третьей четверти I тыс. н.э. является подмазывание стенок и дна могильных ям тонким слоем глины с последующим обжигом. Захоронения с таким образом оформленными могильными ямами на могильнике Сухая Гомольша составляют 5,2 % от общего числа кремаций.

В пеньковских, колочинских, волынцевских захоронениях зачастую присутствуют неочищенные от следов погребального костра пережженные человеческие кости (Березовец 1952, 248; Приходнюк 1998, 28; Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юренко 1990, 277). Напротив, процент захоронений, содержавших очищенные от золы и углей погребального костра человеческие останки, на могильнике Сухая Гомольша достаточно высок. Так, 32% погребений от общего количества захоронений могильника содержали пережженные человеческие кости без следов погребального костра. В то время как в славянских кремациях VIII–X вв. с территории Болгарии древесные угольки встречаются лишь изредка и в небольшом количестве (Димитров 1974, 58). Обычно же они содержат тщательно очищенные от следов погребального костра пережженные человеческие останки (Въжарова 1976, 9). Остатки погребального костра в виде древесного угля, золы встречаются в основном лишь в немногочисленных безурновых славянских захоронениях Болгарии (Въжарова 1976, 26, 66, 73).

Наличие в кремациях фрагментов керамики, как со следами повторного обжига, так и без них, является характерной чертой погребального обряда славянских культур I тыс. н.э. Так, в черняховских древностях наличие в погребениях фрагментов керамики или преднамеренно разбитых сосудов является отражением пшеворского (славянского) погребального обряда (Кравченко 1970, 49). Погребения, содержавшие фрагменты разбитых сосудов, составляют значительный процент во всех группах черняховских захоронений – в закрытых и открытых урнах, в урнах, установленных вверх дном, в безурновых погребениях и т.д. (Кравченко 1970, 48, рис. 14). Фрагменты преднамеренно разбитых сосудов встречаются в 40,8% захоронений колочинской, и не менее чем в 22,2% погребений волынцевской культур (Зиньковская 1997, 13, 14). Присутствие в погребении фрагментов несобирающихся керамических сосудов явление для захоронений могильника Сухая Гомольша достаточно редкое (9,1%). Для однообрядовых

кремационных могильников VIII–X вв. Болгарии наличие фрагментов керамики в захоронениях вообще не характерно. Они встеречены в основном только в кремациях из биритуальных некрополей Подунавья (Димитров 1974, 63), которые, как отмечают болгарские исследователи, существенно отличаются от славянских, а потому связываются ими со степными (тюркскими) народами (Въжарова 1976, 427).

Для могильника Сухая Гомольша характерен высокий процент кремаций под перевернутыми вверх дном сосудами (25,5%). Такие захоронения лишь изредка встречаются в памятниках киевской, черняховской, пеньковской, корчакской, колочинской культур (Приходнюк 1990, 228), но там их доля не превышает 4% (Зиньковская 1997, 11-14). В славянских погребальных памятниках середины – второй половины I тыс. н.э. неизвестна установка перевернутых вверх дном сосудов-урн на подстилку из фрагментов сосудом, тогда как количество таких захоронений на Сухогомольшанском могильнике составляет 5% от общего количества погребений.

В Сухой Гомольши 4,1% урновых захоронений (II. 6; II. 8) были накрыты крышками. В небольшом количестве подобные захоронения встречены на памятниках колочинской культуры (Липкинг 1974, 144). В Подунавье только на некоторых однообрядовых некрополях (Долгопол-1, Бльсково, Бабово, Разделна) отмечены сожжения, в которых остатки кремации были прикрыты крышкой. Роль последней выполняли: целый сосуд, нижняя часть сосуда, крупный фрагмент стенки сосуда (Въжарова 1976, 10). В тоже время на других некрополях Болгарии (Гарван-1, Попина-2, Юпер) такие захоронения отсутствуют.

Безынварность является отличительной чертой большинства пеньковских, колочинских и волынцевских кремаций (Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юренко 1990, 277). Та же тенденция наблюдается и в черняховских древностях, где безынварными является 62,9% захоронений по обряду кремации (Никитина 1985, 75). Процент же безынварных захоронений Сухогомольшанского некрополя ниже аналогичного среднего показателя для могильников колочинской, пеньковской, волынцевской культур (табл. II). На могильника Сухая Гомольша относятся к разряду безынварных 36,1% безурновых и 41% урновых захоронений. В тоже время только 22,2% ямных и 26,3% урновых захоронений пеньковской культуры содержали немногочисленный погребальный инвентарь (оплавленные бусы, бронзовые перстни и кольца, подвески, бубенчики, пронизи, железные ножи и рыболовные крючки), предметы вооружения отсутствуют полностью (Приходнюк 1998, 30). В славянских кремационных захоронениях VIII–X вв. Болгарии предметы вооружения и орудия труда встречаются также исключительно редко (Димитров 1974, 64). Хотя количество предметов в одном захоронении колеблется от 1

до 7, значительно чаще в погребении находят один, два, самое большое три предмета (Въжарова 1976, 11). Инвентарь Сухогомольшанских захоронений в целом несколько многочисленней и более разнообразней инвентаря упомянутых выше славянских погребений.

Отличает захоронения могильник Сухая Гомольша от славянских кремаций и наличие в погребениях предметов вооружения, элементов конского снаряжения, которые находились как непосредственно среди пережеванных человеческих костей, так и в расположенных рядом с погребениями так называемых “тайничках”. Так, на Сухой Гомольше предметы вооружения были найдены в 6,6% захоронений (21 погребение). В таком же количестве кремаций были найдены и предметы конского снаряжения. В 14 случаях (4,7%) предметы вооружения и элементы конской сбруи составляли единый комплекс (Аксенов 1998, 43). Так называемые «тайнички» не известны на славянских погребальных памятниках, зато они отмечены в погребальных памятниках тюркских народов (Плетнева 1967, 101). Процент воинских захоронений Сухогомольшанского могильника превосходит по аналогичному показателю известные славянские могильники второй – третьей четверти I тыс. н.э. юга Восточной Европы и уступает лишь древнерусским дружинным некрополям IX – начала XI вв. (Кирпичников 1971, 43).

Помещение в кремационные захоронения сосудов-приставок считается специфической чертой погребального обряда славянских культур Восточной Европы I тыс. н. э. Урновые и безурновые захоронения с сосудами приношениями отражают зарубинецкие черты в погребальном обряде черняховского населения (Кравченко 1970, 47). Особенно сосуды-приставки характерны для волынцевских захоронений (Смиленко, Юренко 1990, 276). Сосуды-приставки встречены почти в половине захоронений именьковской культуры (Генинг, Стоянов и др. 1962, 39, табл. Ж). Представителей именьковской культуры ряд исследователей считает славянами, принявшими участие в формировании той же волынцевской культуры (Седов 2002, 253). Керамические сосуды, игравшие роль погребальных даров, изредка встречаются в захоронениях однообрядовых кремационных могильниках VIII–X вв. Болгарии как Разделна, Гарван-1, Бабово (Въжарова 1976, 11). Так, сосуды-приставки были обнаружены в 14 из 230 захоронений (5,6%) могильника Разделна, в 2 из 70 погребений (2,8%) могильника Блъсково, в 2 из 101 погребения (1,9%) могильника Гарван (Въжарова 1976, табл. 2; Димитров 1974, 62). В тоже время, сосуды-приставки встречены почти в 30% кремационных захоронений биритуальных могильников Подунавья (Димитров 1971, 62).

Однако наличие сосудов-приставок известно и в неславянских погребениях второй половины I тыс. н.э. юга Восточной Европы. Так, сосуды-пристав-

ки были неоднократно встречены в кремациях второй половины VIII–IX вв. Прикубанья (Дмитриев 1979, 54), которые никак нельзя считать славянскими. Сосуды-приставки были обнаружены в 22 захоронениях (11 безурновых и 11 урновых) Сухогомольшанского могильника, что составляет 6,9% от общего числа захоронений. К тому же, урнами и сосудами-приставками в захоронениях могильника Сухая Гомольша служили только типично салтовские лепные – 20 экз. и гончарные – 91 экз., кухонные горшки, кувшины – 21 экз., кружки – 2 экз., кубышки – 3 экз., крымские амфоры – 8 экз. (Михеев 1986, 160–162, рис. 2; Брехач 1999, 140–141). Керамическая посуда зачастую рассматривается большинством исследователей как один из важнейших этноопределяющих признаков. Однако среди 319 сосудов, обнаруженных в захоронениях могильника Сухая Гомольша, не было встречено ни одной формы, которую можно было бы связать с пеньковским, колочинским или волынцевским, т.е. славянским, населением (Брехач 1999, 140–142). Двенадцать из 20 лепных сосудов близки по форме и пропорциям целому ряду салтовских гончарных кухонных горшков, что рассматривается исследователями как факт существования приемственности форм сосудов и параллельность их существования во времени (Брехач 1999, 141).

В тоже время во всех семи сожжениях, обнаруженных на Дмитриевском катакомбном могильнике, урнами служили типично славянские горшки, тогда как роль приставок выполняли салтовские сосуды (Плетнева 1972, 115), что и позволило С. А. Плетневой говорить о присутствии славян среди представителей дмитриевской общины. Сосуды волынцевского типа были неоднократно встречены и в тризнах Дмитриевского могильника (Плетнева 1989, рис. 76, 77). В известных мне салтовских погребальных кремационных комплексах сосуд волынцевского типа был найден лишь однажды – погребение 299 биритуального могильника Красная Горка (раскопки В. К. Михеева). Однако и там он использовался не как вместилище пережженных человеческих костей, а служил им своеобразной крышкой, будучи установленный над ними вверх дном.

Не характерно для кремаций могильника Сухая Гомольша и наличие в захоронениях остатков мясной жертвенной пищи в виде сырых или обожженных костей животных (0,3% погребений), тогда как в погребениях киевской, колочинской, волынцевской культур процент захоронений содержащих остатки мясной жертвенной пищи достаточно велик (таблица II). По этому показателю сожжения Сухой Гомольши сравнимы лишь с захоронениями пеньковской культуры. Необоженные кости животных (свиньи, птицы, овцы) встречены от 37% до 50% кремаций биритуальных, т.е. болгаро-славянских, могильников Подунавья (Варна, Девня-1, Девня-3), тогда как на могильниках, где сожжение

является единственным обрядом, остатки мясной жертвенной пищи встречаются редко (Димитров 1974, 64).

Таблица II

Характерные черты погребального обряда ряда культур юга Восточной Европы второй – третьей четверти I тыс. н.э.¹

археологические культуры	кости прикрыты урной	кости и в яме, и в урне	кости в урне	остатки погр. костра	инвентарь отсутствует	фрагменты сосудов	Кости животных
киевская	1,3%	1,3%	6,1%	88,8%	73%	50,4%	29%
черняховская	3,7%	0,5%	32,3%	21,2%	62%	70%	3,5%
колочинская	1,2%	2,9%	37%	36,5%	58,3%	40,8%	6,7%
пеньковская	-	-	25%	100%	100%	+	-
волынцевская	-	3%	67,6%	58,8%	64,8%	22,2%	11%
Сухая Гомольша	25,5%	-	17,6%	66,8%	57,3%	9,1%	0,3%

Таким образом, в кремациях Сухой Гомольши присутствуют черты погребального обряда ряда археологических культур степных и лесостепных районов Восточной Европы середины – второй половины I тыс. н.э. (пеньковской, колочинской, волынцевской, тюркской). Однако полной тождественности погребальной традиции Сухогомольшанского могильника и погребального обряда какой-либо одной из выше указанных археологических культур не наблюдается (табл. II). По-видимому, нельзя говорить и о прямой приемственности между кремациями Сухой Гомольши и сожжениями какой-нибудь одной из этих же культур. Сожжения Сухогомольшанского могильника демонстрируют переплетение нескольких погребальных традиций в рамках одной салтовской общины на северо-западном пограничье Хазарского каганата. Возможно, косвенным подтверждением этого является тот факт, что на протяжении одного хронологического периода на могильнике Сухая Гомольша существовало несколько разных керамических групп, распространение которых на территории могильника локализовано на различных участках (всего их шесть) некрополя (Брехач 1999, 142).

Наличие среди кремаций могильника Сухая Гомольша: безынвентарных урновых и безурновых захоронений, содержащих неочищенные от следов

¹ Данные приведены по Зиньковской, И. В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй – третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). Автореф. канд. ист. наук. Воронеж, 1997

погребального костра пережженные человеческие кости; погребений с сосунами-приставками; захоронений, в которых встречены фрагменты битой посуды; погребений с урнами установленными дном вверх, по-видимому, можно рассматривать как тот факт, что часть захоронений могильника принадлежит потомкам пеньковско-колочинского, смешанного в своей основе, населения Подонцовья.

Исследователь Сухогомольшанского могильника В. К. Михеев считал возможным использовать коньковые шумящие подвески для определения этнической принадлежности населения, оставившего могильник. Так родилась гипотеза угорской (“белые угры” письменных источников) принадлежности кремации VIII–IX вв. Подонцовья и Прикубанья (Михеев 1982, 166), где в кремационных погребениях VIII–IX вв. были обнаружены аналогичные коньковые шумящие подвески (Kaminsky 1996, fig. 1/1, 2, 4, 5). Показательно, что в сожжениях и Подонья, и Прикубанья коньковые подвески не носили следов пребывания в огне погребального костра, т.е. они помещались в захоронения уже после проведения обряда кремации. В связи с тем, что как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма, шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, то это свидетельствует о возможном присутствии в составе сугомольшанской общины представительниц угорского этноса. Отчасти это подтверждают и данные антропологии. Сохранившаяся лицевая часть черепа мужчины из погребения 122 позволила установить показатели глазных впадин – 68,1 (низкая глазница) и носа – 56,0 (широконосный индивид). Эти значения показывают, что черты черепа данного человека приближены к лапоноидному типу (Malinowski, Michejew 1981, 155). Возможно, с угорским этносом следует связывать погребения с коньковыми шумящими подвесками и захоронения в меридионально ориентированных ямах. Именно такая ориентировка могильных ям характерна для именьковского, по-видимому, фино-угорского населения Поволжья.

В тоже время, как считает ряд исследователей, полностью одинаковый набор вооружения, конского и походного снаряжения мог быть только у дружинников одной определенной народности (Березовец 1999, 326). Полная идентичность инвентаря кремационных захоронений из бассейна Северского Донца и погребений типа Борисово-Дюрсо отмечается всеми исследователями. Показательно, что конские начельники на территории Предкавказья встречены только в аланских катакомбных захоронениях (Хайнрих 1995, 245), и в кремациях Борисовского, Молдовановского могильников (Саханев 1914, 118; Тарабанов 1992, 77, рис. 2, 7). В Подонцовье конские начельники также были

обнаружены только в катакомбных захоронениях аланского лесостепного варианта салтовской культуры (Покровский 1905, табл. XX, 91; Плетнева 1989, рис. 41, 42) и кремациях Сухогомольшанского могильника (погр. 175), могильника Красная Горка (погр. 101, 216/к-19), могильника Лысый Горб (Аксенов 1998, табл. I, II; Аксенов 1999b, рис. 2). Ни в захоронениях, совершенных в так называемых «курганах с ровиками» и связываемых с хазарами, ни в грунтовых труположениях юга Восточной Европы, оставленных праболгарами, конские начельники не были найдены ни разу (Иванов 2000, 8-9; Красильников 1991, 62–81; Швецов 1991, 109–123). Это позволяет предположить, что какая-то часть кремаций Сухогомольшанского могильника оставлена представителями населения этнически родственного аланам, носителям катакомбного обряда в Подонье и на Северном Кавказе. Такая возможность предполагалась исследователем Ново-Покровского кремационного могильника Ю. В. Кухаренко (Кухаренко 1951, 107). Из абхазско-адыгских племен Западного Кавказа выводил носителей обряда кремации в Подонцовье салтовского времени и Д. Т. Березовец (Березовец 1970, 60; Березовец 1999, 330).

Часть погребений могильника Сухая Гомольша оставлена выходцами из тюркской среды, которым принадлежат захоронения с «тайничками» и, возможно, кремации в ямах вытянутых очертаний ориентированных по линии восток – запад. На их присутствие в сухогомольшанской общине указывает состав инвентаря, в котором значительное место отводиться предметам вооружения (сабли, боевые топоры-чеканы, наконечники пик) и конского снаряжения, предметам хозяйственно-бытового назначения – складные серпы, большие железные пинцеты, железные котлы, вилки для доставания мяса из котла, шампуры (Аксенов 1999, 153; Михеев 1985, рис. 8–11; 1986, рис. 7).

Наличие в захоронениях могильника Сухая Гомольша (погр. 135, 233, 143, 176) вещей датируемых первой половиной – третьей четвертью VIII в. (рис. 9) однозначно указывает на время появления в Подонцовье населения, оставившего данный некрополь.

Таким образом, в среднем течении Северского Донца – на границе лесостепи и степи, на стыке кочевой и земледельческой культур – в первой половине VIII в. сложились условия для широких контактов разноэтничного населения, приведших к созданию в рамках салтово-маяцкой культуры нового этнического образования, представители которого и оставили могильник Сухая Гомольша. В сложении этого новообразования, наряду с местным населением (славяно-иранским – поздними «пеньковцами» и славяно-угорским – «колочинцами»), приняли участие и выходцы из степных районов юга Восточной Европы тюркско-угорского происхождения. Смешанный (тюркско-угорско-иранский) характер праболгарского населения юга Восточной Ев-

ропы неоднократно отмечался исследователями (Артамонов 2002, 119; Рашев 1993, 250–254).

Косвенным подтверждением этому является тот факт, что на биритуальном могильнике Красная Горка сожжения, близкие к сухогомольшанским, были довольно часто впущены в засыпку ингумационных захоронений могильника без разрушения последних. Там же были отмечены и случаи, когда основное и впущенное в его засыпку захоронения были однообрядовыми (и трупоположения, и трупосожжения) (Аксенов 1999а, 137–139). При этом, существенной разницы в инвентаре кремаций и захоронений по обряду трупоположения могильника не наблюдалось. Ингумационные же захоронения могильника Красная Горка несли черты свойственные тюркскому погребальному обряду (Михеев 1990, 45–52; Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, 116–129).

Нельзя оставить без внимания факт наличия в Прикубаньи, территории входившей в предсалтовское время в состав Великой Болгарии Кубрата, кремационных могильников VIII–IX вв. (типа Дюрсо), содержащих захоронения, сходные по обряду и инвентарю с кремациями Сухой Гомольши. Это позволило ряду исследователей предположить этническое родство населения, оставившего кремационные могильники в этих двух столь удаленных друг от друга микрорегионах (Пьянков, Тарабанов 1996, 61–64). Население, оставившее кремации VIII–IX вв. в Кубано-Черноморском районе, считается для данного региона пришлым (Дмитриев 1979, 56), что, вероятно, отчасти верно и для бассейна Северского Донца.

Для нас в большей мере важен факт появления хронологически последовательных салтовских кремационных захоронений – первоначально в Кубано-Черноморском районе, несколько позже – в верхнем Подонцовье. По элементам поясных наборов, обнаруженных в кремациях Прикубанья (Тарабанов 1997, рис. 3/4, 8), время появления носителей данного погребального обряда в этом микрорегионе может быть определено как вторая половина VII – середина VIII вв. В то время как появление кремаций подобных прикубанским в бассейне Северского Донца и Оскола относится, по-видимому, к середине – третьей четверти VIII в. Все это вполне согласуется со временем и с последовательностью распространения на данные микрорегионы власти Хазарского каганата.

Интересно, что время появления салтовских кремационных захоронений в Верхнем Подонцовье совпадает со временем появления здесь носителей и салтовского катакомбного погребального обряда – алан/ясов. Это позволяет предположить, что и те, и другие оказались в бассейне Северского Донца и на Осколе в результате одних и тех же событий первой половине VIII в., затронувших народы, входившие в состав Хазарского каганата и проживавшие на Северном Кавказе и в Прикубанье.

Оказавшись в верхнем Подонцовье, и вступив в контакт с местным населением, выходцы из Прикубанья и Северного Кавказа заняли главенствующее положение в новом этно-политическом объединении, оттеснив на второй план местную племенную верхушку. Носители катакомбного погребального обряда (аланы/ясы) в силу ряда причин сохранили до середины X в. свою этническую самобытность (Верхне-Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий катакомбные могильники). Пришедшие одновременно с ними в верхнее Подонцовье носители кремационного обряда из Прикубанья (тюркско-угорский этнический элемент) слились с местным населением (“пеньковцами” и “колочинцами”) и со временем были полностью ассимилированы ими. Подтверждением этому, по-видимому, и могут служить захоронения салтовского кремационного могильника Сухая Гомольша.

Аксенов 1998: В. Аксенов. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжениями Сухогомольшанского и Красногорского могильников). – Вісник ХДУ, 413, 1998, 30, 34–41.

Аксенов 1999а: В. Аксенов. Новый салтовский могильник в верхнем Подонцье. – Донская археология, 1999, 3–4, 34–40.

Аксенов 1999б: В. Аксенов. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремаций салтовской культуры. – В: Матеріали Міжнародної археологічної конференції “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам’яного віку по раннє середньовіччя)”. Дніпропетровськ, 1999, 137–139.

Аксёнов 1999: В. Аксёнов. Поховання з конем другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). Дис. канд. іст. наук. Харків, 1999.

Аксенов, Крыганов, Михеев 1996: В. Аксенов, А. Крыганов, В. Михеев. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника). – В: Материалы I тысячелетия н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996, 116–129.

Артамонов 2002: М. Артамонов. История хазар. Санкт-Петербург, 2002.

Афанасьев 1987: Г. Афанасьев. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Москва, 1987.

Афанасьев 2001: Г. Афанасьев. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства. – РА, 2, 1991, 43–55.

Березовець 1952: Д. Березовець. Дослідження на території Путівльського району, Сумської області. – В: Археологічні пам’ятки УРСР, 3. Київ, 1952, 242–250.

Березовець 1970: Д. Березовець. Про ім’я носіїв салтівської культури. – Археологія, 24, 1970, 59–74.

Березовець 1999: Д. Березовець. Русы в Поднепров’є (доклад на XIV конференції Інститута археології АН УССР). – В: Полтавський археологічний збірник

1999 р. До 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень. Полтава, 1999, 333–350.

Брехач 1999: М. Брехач. Керамический комплекс могильника салтовской культуры Сухая Гомольша. – В: Матеріали Міжнародної археологічної конференції “Етнічна історія та культура населення степу Євразії (від кам’яного віку по ранне середньовіччя). Дніпропетровськ, 1999, 140–142.

Въжарова 1976: Ж. Въжарова. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България). София, 1976.

Генинг и др. 1962: В. Генинг, В. Стоянов, Т. Хлебникова, И. Вайнер, Е. Казаков, Р. Валеев. Археологические памятники у села Рождественно. Казань, 1962.

Димитров 1974: Д. Димитров. Погребальный обряд при раннобългарските некрополи във Варненско (VIII–X в.). – ИАИ, 34, 1974, 51–92.

Дмитриев 1979: А. Дмитриев. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. – КСИА, 158, 1979, 52–57.

Зиньковская 1997: И. Зиньковская. Население лесостепного Днепро–Донского междуречья во второй – третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). Автореф. дис. кандидата историч. наук. Воронеж, 1997.

Иванов 2000: А. Иванов. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. кандидата историч. наук. Волгоград, 2000.

Казаков 1998: Е. Казаков. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов. – В: Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998, 97–150.

Кирпичников 1971: А. Кирпичников. Древнерусское оружие, 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Москва – Ленинград, 1971.

Кравченко 1970: Н. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. – КСИА, 121, 1970, 44–51.

Кравченко 1983: Н. Кравченко. Погребения с сожжениями на черняховских могильниках. – В: Погребальный обряд племен черняховской культуры. Москва, 1983.

Красильников 1991: К. Красильников. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце. – В: Проблемы на прабългарската история и культура, 2, 1991, 62–81.

Кухаренко 1951: Ю. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. – КСИИМК, XLI, 1951, 99–108.

Липкинг 1974: Ю. Липкинг. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье. – В: Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград, 1974, 136–152.

Михеев 1982: В. Михеев. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша. – СА, 2, 1982, 156–167.

Михеев 1985: В. Михеев. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Михеев 1986: В. Михеев. Сухогомольшанский могильник. – СА, 3, 1986, 158–173.

Михеев 1990: В. Михеев. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово–маяцкой культуры. – В: Ранние болгары и финно–угры в Восточной Европе. Казань, 1990, 45–52.

Михеев 1991: В. Михеев. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья в VIII–IX вв., 1. – В: Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991, 43–55.

Никитина 1985: Г. Никитина. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. Москва, 1985.

Падин 1974: В. Падин. Древности VI–VII вв. н.э. в окрестностях Трубчевска. – В: Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград, 1974, 132–135.

Плетнева 1967: С. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – МИА, 146, 1967.

Плетнева 1972: С. Плетнева. Об этнической неоднородности населения северо-западного Хазарского пограничья. – В: Новое в археологии. Москва, 1972, 108–118.

Плетнева 1989: С. Плетнева. На славяне-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.

Плетнева 1990: С. Плетнева. Хазарские проблемы в археологии. – СА, 2, 1990, 77–91.

Поболь 1974: Л. Поболь. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье. – В: Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград, 1974, 159–180.

Покровский 1905: А. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. – В: Труды XII АС, 1, 1905, 465–491.

Приходнюк 1990: О. Приходнюк. Раннеславянские культуры V–VII вв. и этнополитическая консолидация славян. – В: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Приходнюк 1998: О. Приходнюк. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

Пьянков, Тарабанов 1996: А. Пьянков, В. Тарабанов. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство. – В: Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996, 61–64.

Рашев 1993: Р. Рашев. К вопросу о происхождении праболгар. – МАИЭТ, 3, Симферополь, 1993, 250–254.

Саханев 1914: В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. – ИАК, 56, 1914.

Седов 2002: В. Седов. Славяне: историко-археологическое исследование. Москва, 2002.

Синиця 2003: Є. Синиця. Топографія слов'янських поховальних пам'яток V–VII ст. у Південно-Східній Європі. – *Vita antiqua*, 5–6, 2003, 165–170.

Смиленко, Юренко 1990: А. Смиленко, С. Юренко. Восточный славяне в VIII–IX вв. – В: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Тарабанов 1992: В. Тарабанов. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское, Крымского района в 1989 г. – В: Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992, 76–83.

Тарабанов 1997: В. Тарабанов. Ингумационное погребение в Молдавановском кремационном могильнике (по раскопкам 1989 г.). – В: Древности Кубани. Материалы семинара посвященного 85-летию Н. В. Анфимова. Краснодар, 1997, 24–27.

Третьяков 1974: П. Третьяков. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье. – В: Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград, 1974, 40–118.

Хайнрих 1995: А. Хайнрих. Раннесредневековые катакомбные могильники из селений Чми и Кобан. – В: Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995, 185–258.

Швецов 1991: М. Швецов. Могильник “Зливки”. – В: Проблемы на прабългарската история и культура 2, 1991, 109–123.

Kaminsky 1996: V. Kaminsky. Early medieval weapons in the North Caucasus – a preliminary review. – *Oxford journal of archaeology*, 15 (1), 1996, 95–105.

Malinowski, Michejew 1981: A. Malinowski, W. Michejew. Suchogomolzanski ze-spok osadniczy w swietle danych archeologii i antropologii. – В: Zrodla do badan Biologii i historii populacji slowianskich. Poznan, 1981, 147–155.

**INTERMENT CEREMONY
OF SUKHAYA GOMOLSHA CEMETERY**
*(regarding the ethnicity problem of Saltov cremation interments
from the Severskiy Donets basin)*

VIKTOR S. AKSENOV (HARKOV, UKRAINE)

The work presents the characteristics of the cremations of Sukhaya Gomolsha Cemetery (Zmiivskiy Region of Kharkiv Oblast). The interments of the cemetery are represented with the urnless (I type) and urn (II type) burial places. The urnless cremations are subdivided into types (I.1–I.4) depending on the presence of the funeral pyre traces and the concentration of the burned human remains. The urn burials, in turn, are divided into 8 types (II.1–II.8) by the presence of the funeral pyre traces in them, by the urn position (head up, bottom up) and by the presence/absence of the cover and bedding. Such variety of the cremation interments should be considered as the reflection of the complex ethnic and cultural structure of the community that left this cemetery. On the whole, according to the All-Slavonic character of the majority of the cremation interments of the cemetery, one can speak about the characteristics of the groups of interments being probably left by the natives of another cultural environment (Turkic and Ugrian).